

Дана
Гинтер

Дана
Гинтер

Путешествие
на «Париже»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г49

Серия «Читаем везде!»

Dana Gynther

CROSSING ON THE PARIS

Перевод с английского *Е.Р. Золот-Гасско*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Folio Literary Management, LLC и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Гинтер, Дана.

Г49 Путешествие на «Париже»: [роман] / Дана Гинтер ;
[пер. с англ. Е.Р. Золот-Гасско]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2016. — 352 с. — (Читаем везде!).

ISBN 978-5-17-086732-5

Начало XX века. Роскошный океанский лайнер. Три очень
разные женщины плывут из Франции в Америку...

Констанс — примерная жена и мать, столкнувшаяся в Пари-
же с непредсказуемым и чуждым ей миром богемы, — в смятении
возвращается домой...

Пожилая, сказочно богатая Вера, все лучшие годы которой
прошли во Франции, со светлой грустью вспоминает о своей бур-
ной жизни...

Жюли — молодая француженка из бедной семьи, покинув-
шая родину, — с жадным нетерпением юности ждет увлекатель-
ных приключений и большой любви...

Путешествие начинается!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086732-5

© Dana Gynther, 2012

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2016

*Посвящается моему любимому отцу
Малкольму Дональду Гинтеру*

✧ Пролог ✧

ТРИ БЕСЕДЫ

Констанция Стоун

— Джордж? — Констанция осторожно постучала в дверь кабинета и, не дожидаясь, пока муж ей ответит, открыла дверь.

Джордж внимательно посмотрел на жену поверх очков и улыбнулся. Склонившись над заваленным бумагами письменным столом, он сосредоточенно точил красный карандаш.

— Ну, как сегодня твои родители? — обыденным тоном спросил Джордж, точно на его вопрос Констанция могла ответить «Прекрасно!».

Констанция недовольно сдвинула брови. Ее попытка выманить из-за сарая в саду грязную, дико озирающуюся мать только что закончилась неудачей. Едва Констанция приблизилась к матери, она принялась издавать нечленораздельные звуки и бросила ей в лицо горсть земли.

— Спасибо, как обычно, — задетая его равнодушием, резко ответила Констанция. Проведя рукой по волосам, она стряхнула застрявшие возле уха песчинки и продолжила медленно и неуверенно: — Правда, у отца появилась очередная идея... как вернуть мать к нормальной жизни.

Джордж снял очки и откинулся на спинку кресла.

— Каким же образом? — выжидательно спросил он.

Кажется, в его голосе послышался скепсис? Констанция подошла поближе к столу и кончиками пальцев

потрогала камень из коллекции мужа. Здесь были отполированные агаты, переливающиеся металлическим блеском пириты, кусочки кварца — она гладила их так, словно камни были текстами для слепых и с помощью прикосновения их можно было прочесть. С длинной полки перед столом Констанция взяла аметист покрупнее и покачала его в руке. Древние греки, вспомнилось вдруг ей, считали, будто этот камень оберегает людей от пьянства...

— С помощью Фэйт, — снова заговорила она. — Отец хочет вернуть ее в лоно семьи.

— Фэйт? — хмыкнул Джордж. — Твой отец, психолог, полагает, будто ее возвращение может излечить твою мать?! Господи! Да от этого ей может стать только хуже! Я, конечно, согласен, что твоей сестрице не пристало жить в Париже одной, точно какой-то цыганке. Будь она моим ребенком, я бы такого не потерпел! Но как, скажи на милость, возвращение распутной дочери может исцелить ее мать?

Скорого ответа не прозвучало. Констанция положила аметист на место, Джордж в это время принялся набивать трубку. Она бросила взгляд на кресло в надежде, что сможет присесть, но на нем, как обычно, лежали свернутые в рулоны карты. Она облокотилась о письменный стол и с этой выгодной позиции неожиданно для себя заметила, что лысина мужа что ни день увеличивается в размерах.

— Наверное, ты прав. — Констанция тяжело вздохнула. — Я не уверена, понимает ли мать вообще, что Фэйт отсутствует. Но отец хочет, чтобы она вернулась.

— Что ж, желаю ему удачи, — язвительно отозвался Джордж, снова зажигая трубку и пуская клубы дыма. — Он уже послал ей телеграмму?

— Он пытался. И не раз. — Она взяла в руки окаменелый наутилус, любимый экземпляр из коллекции мужа,

и нежно провела по нему рукой. — Но теперь он хочет сделать кое-что более радикальное.

Джордж изумленно повел бровями, надул губы и с нарочито растерянным видом уставился на жену.

— Что же такое он собирается сделать? — спросил он.

— Отец хочет, чтобы я поехала в Париж и привезла сюда Фэйт, — проговорила Констанция с таким видом, будто речь шла о поездке на рынок. — Хочет, чтобы я посадила ее на пароход и привезла назад в Вустер.

— Ты?!

Лицо Джорджа вытянулось. Когда же муж совладал с собой, она услышала его тихий смешок.

Наблюдая за гримасами мужа, Констанция пыталась вспомнить: что же именно восемь лет назад — когда они поженились — привлекло ее в этом лице? Возможно, седеющие волосы, залог надежного брака с женщиной постарше? А может быть, его серьезная манера курить трубку, пуская в бороду кольца дыма? К тому же в начале их знакомства она была благодарна ему, что во время их разговоров он с легкостью заполнял каждую паузу. Однако теперь, услышав его изумленный смех, Констанция диву давалась, почему она в то время не понимала, сколь значимым может быть простое молчание.

— Ты ведь знаешь, отец сам в подобное путешествие не отправится, — не отрывая взгляда от наutilusа, проговорила она. — Он не может оставить мать.

— Но я, дорогая, с тобой поехать тоже не могу. У меня середина семестра. И масса непроверенных работ, — для убедительности покрутив над столом трубкой, проговорил Джордж. — А одна ты, само собой разумеется, поехать не можешь.

— Почему не могу, Джордж? — мягко спросила Констанция.

Он посмотрел на нее с искренним удивлением.

— Почему? По многим причинам! Да я умру от тревоги! — Джордж сокрушенно покачал головой. — С тобой может случиться все что угодно. Ты можешь там потеряться!

— По-моему, я в состоянии сесть на пароход и поехать на поезде не хуже других. Мне кажется, в этом нет ничего невыполнимого.

— А пока ты будешь разъезжать, что будет с твоими детьми? — окинул ее строгим назидательным взглядом Джордж. — Кто будет за ними ухаживать?

— Слуги вполне с этим справятся, — вздохнула Констанция. — И, поверь мне, это путешествие будет отнюдь не развлекательным. Джордж, я уеду всего на пару недель.

В конце концов он все-таки встал с кресла, почувствовав, что смотреть на жену снизу вверх ему сейчас совершенно невыгодно.

— Похоже, ты рассматриваешь эту бредовую затею всерьез! Со всех ног кидаешься выполнять дурацкое поручение! Ты летишь на поиски своей бесстыдной младшей сестрицы, с которой никогда не ладила!

Констанция положила наutilus на место. Она вдруг почувствовала себя изможденной. Подойдя к креслу, не обращая внимания на молчаливый протест мужа, сбросила карты на пол — они бесшумно легли на ковер — и тяжело опустилась на сиденье.

— Джордж, дурак, отправляющий меня в это путешествие, мой отец. — Она закрыла глаза и сжала ладонью виски. — И тебя при нашем разговоре не было.

В памяти Констанции мгновенно всплыли и покрасневшие глаза отца, и то, как он вглядывался в пустоту, и исходивший от него слабый запах алкоголя...

— Констанция, — голос Джорджа на последнем слоге почти оборвался, — одна ты не поедешь.

Она вздохнула, поднялась с кресла и посмотрела ему прямо в глаза:

— Нет, Джордж, поеду.

Вера Синклер

Амандина, слегка запыхавшись — ей пришлось подняться по лестнице, — появилась в гостиной. Вера сидела в обитом парчой кресле; ее худые ноги были укрыты пледом, на полу рядом с ней лежал черный шотландский терьер. Она листала страницы огромного дневника в обложке из тонкой кожи.

— В чем дело? — взглянув на служанку и удивившись детской улыбке на ее морщинистом лице, спросила Вера.

— Пришел мистер Чарлз, мэм, — сияя, ответила Амандина. — Он в передней. Снимает пальто и галоши. Поднимется прямо сюда.

Вера быстро сняла очки и сбросила с ног одеяло.

— Шевелись, шевелись, Биби! — прошептала она собаке. — Ты же знаешь, как пледы старят женщину!

Вера бросила взгляд в окно. На улице по-прежнему лил дождь. Стояла самая сырая и мрачная весна из всех, какие она могла припомнить в Париже. Ее прозрачная кожа совсем иссохла без солнца.

— Привет, моя радость! — воскликнул Чарлз.

У этого франтоватого мужчины лет шестидесяти пяти были густые седые волосы и ярко-голубые глаза.

Вера просияла, и от этой улыбки лицо ее покрылось мелкими морщинками.

— Чарлз!

Она отложила в сторону книгу и поднялась, чтобы обнять его. Он одарил ее кратким объятием, а затем наклонился и погладил собаку. Вера нахмурилась, вспомнив, что, несмотря на свое британское происхождение, он еще совсем недавно страстно прижимался к ней и крепко ее обнимал.

Взгляд Чарлза скользнул к дневнику, он взял его в руки и принялся листать.

— Делала сегодня какие-нибудь записи?

— Нет, читала старые. О лошадиных скачках.

— Ну да, — тихонько рассмеялся Чарлз. — О нашей победе в Шантийи. Как звали ту лошадь? Озорной Твид?*

— Очень похоже, — рассмеялась Вера. — Его прозвали Слуга Дьявола. Что же ты? Сядь рядом со мной.

Она взяла его за руку и подвела к дивану.

— Мы сто лет не виделись. — Ее ввалившиеся глаза блеснули, на губах заиграла улыбка молоденькой девушки. — Это ведь, дорогой, не означает, что у тебя появилась новая подружка?

— Как всегда, радость моя, пытаешься все выведать? — уткнувшись взглядом в пол, с притворным отчаянием вздохнул Чарлз.

— Ты же меня знаешь, — отозвалась Вера, но ей явно не хотелось больше возвращаться к этой теме. — А давай попросим нашего повара приготовить нам на ужин что-нибудь исключительное? Ты любишь буйабес? А хочешь курицу в вине?

— О, Вера, я не могу остаться на ужин. У меня другие планы. — Чарлз, по-прежнему избегая ее взгляда, заерзал на диване. — Я просто заглянул тебя проведать.

— Тогда посмотри на меня, — потребовала Вера.

Чарлз с трудом заставил себя взглянуть на нее: до чего же болезнь изменила ее внешность с тех пор, как они виделись в последний раз. А виделись они давным-давно. Чарлз выдавил слабую улыбку, но как только в комнату

* Намек на Уильяма Марси Твида, нью-йоркского босса и политика, принадлежавшего к Демократической партии, который в 1860-х гг. ограбил город на миллионы долларов, а в 1873 г. был осужден за свои преступления. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

с серебряным чайным подносом, сутулясь, вошла Амандина, на лице его отразилось явное облегчение.

— Давайте я вам помогу! — поспешно вскочив на ноги, предложил он.

— Надеюсь, у тебя найдется несколько минут для чашки чая? — сухо спросила Вера.

— Конечно. Но лишь при условии, что Амандина угостит нас своим знаменитым шоколадным печеньем. — Чарлз подмигнул старой служанке, и та ответила ему взглядом, которым награждала обычно озорных мальчишек, правда только симпатичных и смысленых.

Вера, помешивая в чашке сахар, бросила взгляд на Чарлза.

— Я недавно раздумывала... — начала она и умолкла. Ей хотелось, чтобы Чарлз внимательно прислушался к ее словам.

Она посмотрела в окно: в струях дождя опустевший Люксембургский сад выглядел блекло и малопривлекательно. Когда же Чарлз наконец откликнулся, Вера завершила предложение.

— О том, чтобы вернуться в Нью-Йорк.

— Действительно? — спросил он.

— Да, — сказала она и кивнула. — Я думаю, что настало время вернуться. После тридцати лет в Париже, наверное, пора возвращаться домой.

— Навсегда? — уточнил Чарлз.

— О каком «навсегда» можно говорить в моем возрасте?

Он молча кивнул, и каждый сделал глоток чая.

Вера бросила на Чарлза осторожный взгляд, что удалось ей без труда, поскольку ее друг в ту самую минуту старательно изучал узор на ковре. Что за реакция на такую важную новость! Он должен был вскочить, изумленно расхохотаться или даже запустить в нее печеньем! Как это ей могла прийти в голову мысль покинуть Париж?!

— Когда же ты собираешься ехать? — бесстрастно спросил он.

— Скоро, — ответила Вера. — Возможно, летом. А если проклятый дождь не прекратится, то раньше.

— Без тебя, Вера, Париж уже не будет прежним.

Чарлз на миг встретился с ней взглядом, выдавил еще одну улыбку и снова уткнулся взглядом в пол.

— Мне, дорогая, пора бежать, — пробормотал он. Судя по всему, он готов был отчалить в любую минуту. — Амандина, принесите, пожалуйста, пальто.

Амандина устремила взгляд на хозяйку. Вера сидела, сложив на коленях руки.

— Au revoir*, Чарлз, — уронила она, не в силах поднять на него глаза.

— Я буду о тебе справляться, — едва коснувшись ее плеча, проговорил Чарлз. Похоже, в эту минуту ни на что большее он не был способен.

Чарлз ушел. Вера продолжала неподвижно сидеть. Она все еще не могла поверить случившемуся. Она всегда считала себя везучей. Ей везло на скачках, в триктрак, в рулетку. И в тот день она готова была поспорить, что ее старый, самый близкий друг, узнав, что она собирается покинуть Париж, станет ее отговаривать. Она ждала, что он начнет ей доказывать, что ее место здесь, рядом с ним, что возвращение в Нью-Йорк абсурдно, что это будет ужасной ошибкой. А она бы тут же с ним согласилась, даже если бы он сказал, что из чистого эгоизма хочет, чтобы она была рядом с ним. Она сделала ставку и проиграла.

На следующее утро, все еще расстроенная, Вера Синклер написала несколько писем своим американским родным и приятелям и купила билет на пароход, отплывавший в июне.

— Амандина, мы переезжаем в Нью-Йорк, — в полдень объявила она служанке.

* До свидания (фр.).

Жюли Верне

Войдя в дом, Жюли зажмурилась; после молочного света гаврского неба слабо освещенный коридор казался совсем темным. Она прислушалась, не раздастся ли голос матери, но в доме стояла тишина. Пройдя по дому, Жюли обнаружила мать на кухне: она сидела у окна, уставившись на пришвартованные в гавани корабли.

— Bonjour, мамат, — прошептала Жюли.

Со времен Первой мировой войны в их семье поселилось молчание, точно они лишились не только родных, но и голоса.

Мадам Верне медленно повернулась к дочери — своему единственному уцелевшему ребенку — и вместо приветствия лишь тихо вздохнула.

— Папа дома? — спросила Жюли.

Мать отрицательно покачала головой. Наверное, он, как всегда, гуляет по берегу, а это надолго, подумала Жюли. А может быть, он пошел в бар выпить в одиночестве анисового ликера. Поразмыслив, стоит ли ждать его возвращения, чтобы сообщить свою новость, Жюли решила: ждать или не ждать — не имеет никакого значения. В эти последние три года отец еще больше, чем мать, замкнулся и отстранился от жизни.

— Я принесла почту, — показывая матери всего один конверт, сказала Жюли. — Это письмо из Трансатлантической компании. Мне предложили первую работу.

И Жюли, умолкнув в ожидании ответа, принялась поглаживать родинку над губой. Услышала ли мать ее слова? Жюли опустила на колени рядом с матерью и взяла ее руки в свои. Она уже собралась потереть распухшие, скрюченные от артрита пальцы матери, чтобы хоть немного согреть их, как заметила в складках ее платья фотографию — снимок ее старших сыновей.